

Григорий Петухов

Соло

Григорий Петухов

Соло

Москва

«Воймега»

2012

УДК 821.161.1-1 Петухов

ББК 84 (2Рос=Рус)6-5

ПЗ1

Г. Петухов

ПЗ1 Соло. — М.: Воймега, 2012. — 44 с.

ISBN 978-5-7640-0124-1

Дизайн серии — Сергей Труханов

© Г. Петухов, текст, 2012

© «Воймега», 2012

* * *

Поэзия есть форма нищеты.
Её лица необщие черты
сарказма исковерканы ухмылкой,
в её перстах нервическая дрожь
и на устах — обрывки речи пылкой,
в какой ты ни черта не разберёшь.

Её одежды не похожи на мундир,
ни на шмотьё, в которое мудил
исправно одевает ближний рынок.
Она не чтит ни Люцифера, ни Творца,
но как серебряных в водице мутной рыбок,
в тенета ловит праздные сердца.

Она не выглядит, чтоб я её любил.
Наоборот — так, что пойдёт с любым
и никому не даст, но побожится,
что не сегодня, надо обождать.
Но себялюбцу с мыслью этой не ужиться
и не избыть её, не обуздать.

Возвращение

Земной отрадой сердца не томи,
Не пристращайся ни к жене, ни к дому...

А. Ахматова

Когда возвращаешься в город родной,
промозглый, сырой,
чей купол небесный с пробитой одной
звездой дырой

заплёван промышленной сажеей, лишён
лазури, — из мглы
строений угрюмых встают нагишом
кривые углы.

Скелет стадиона, глазницы тюрьмы,
в которых не спят;
свинцовой и снежной вокруг кутерьмы
тяжёлый распад.

Себя ощущаешь, в предместьях с толпой
мешаясь, чужим,
во рту горьковатый осадок, тупой
на сердце нажим.

Борей задувает в подкладку, свиреп.
Дымит комбинат.
Над крышами туч неопрятный сырец
висит, клочковат;

точней, не висит: то сгущается, то
разрédится вдруг,
подобно как рвут друг у друга пальто
в сельмаге из рук.

Боярышник голый у зданья суда
топорщит персты,
как будто он с улицы манит сюда,
в ограду, кусты,

но те не спешат (им деревьев вблизи
укрыться верней)
проезжую часть пересечь, чтоб в грязи
не пачкать корней...

Где свет на четвёртом горит этаже,
где детства друзья,
тот город, в который вернуться уже,
покинув, нельзя.

Ландшафты его — пургаторий скорей,
чем рай или ад,
где в лицах прохожих читаешь своей
судьбы вариант,

где смог над заводом, колеблясь, висит —
промышленный тиф,
и хапает жаброй морозный оксид,
зрачки закатив.

* * *

В этом северном, этом болотном месте,
где пленённое в камне — уже половина
и, присутствуя в звуке любом и жесте,
та, другая, живая, неуловима:
ни в душе бесплотной, ни в красном мясе
нет её. Как нетрепетна, как строптива
штукатурки сырой и чугунной вязи
бесконечная — жизни длинней — перспектива.

* * *

for Kate P.

Я всё спешил пером нетерпеливым
запечатлеть, что связано с тобой,
в любое время года, при любой
погоде, а в особенности — в ливень.

Бессилие, своекорыстье, ложь и жалость —
я торопился всё облечь в слова,
пока не загустело, как смола,
покуда не сваялось, не слежалось.

И то сказать, пока оно звучало,
заглазье жгло и бредило мозг,
листву трепало и рассветом Ост
воспламеняло это же начало.

Теперь оно в одревеневшем стуке
хронометра и в снимках на мосту
любви по эту сторону и ту —
с тобою нашей длящейся разлуки.

* * *

Тикают, грозною ласкою полны,
ходики в кухне, порожние колбы
нехотя свет отражают в тоске
по содержимому, с видом тверезым.
Полночь ведёт по стеклу стеклорезом.
Жилка пульсирует в такт на виске.

Тьма не черна за окном, а пятниста,
как полотно одного мариниста,
в драных запутавшись гибнет снастях
углый кораблик средь волн на котором.
Горлом нейдёт, как пустым коридором.
Сердце снутри оглушает косяк.

Плешь золотится, срисована с дыни,
полночь шмаляет в неё холостыми
напрочь разохших подъездных дверей.
Вторит впотьмах храпала носоглотка,
спит с развороченным носом подлодка,
портит бумагу тщеславный еврей.

Нету мне визы, и места в каюте
нету — по борту, на баке, на юте,
нету плавсредства, хоть шлюпки гребной.
Для отправления нет точки опорной.
Скоро увижу я стены уборной,
вспенится бурно струя подо мной!

* * *

оглушительно пьян на вокзале
по гудку отплывает перрон
будки вывески лица с глазами
в тридцать третьем нет в тридцать втором

скоро крышка врагам и злодеям
в свой черёд доберутся до нас
беломор перековку затеял
лезут в шахту донбасс и кузбасс

в чёрном брюхе горбатится пламя
тянет жизни в непуганый край
с первача пригорюнился паря
эй с котомками не напирай

плюнь гляди веселей кто б ты ни был
на трёхрядке сыграй на пиле
едут русские люди на гибель
в мёрзлом лагере ржевском котле

* * *

Электровоз широкой грудью
теснил простор из татарвы
в Европу, и простор к полудню
ему сказал «Иду на вы»
за люберецким перегоном
и, оземь грянув, стал перроном.

Здесь перспектива положила
себе предел, сошла на нет,
и, словно лопнувшая жила,
торчит из каменных тенет
грозящий туче рваной раной
из рельса шпиль четырёхгранный.

Здесь кочевой какой-то, южный,
среди кубов и пирамид,
расставлен был особой службой,
расплющен, стиснут, перевит,
привит, как злак вверху на звёздах,
а местный вывезен был воздух.

И, статью новой знаменита,
архитектура в рост пошла:
донжоны склизкого гранита
и зиккураты из стекла —
но мертвенность их главный признак
самих и зодчих их капризных.

Чем лучше пуговицы китель?
Зачем для нимба херувим?
Шедеврам зодчества ценитель
предпочитает вид руин —
как в результате канонады:
портала, арки, колоннады.

Чтоб было зябко и просторно
в саду нескучном и пустом...
Но индустрия распростёрла
вдоль набережных свой бетон,
свинцово-мерзостны и грубы,
цеха расставила и трубы.

Но прямо из-под ног, из лужи,
глядит пейзаж наоборот:
нет башни Сухаревой лучше,
и *краше* Красных нет ворот,
и на периферии где-то
развалин университета.

Москва, как звука в этом много.
Пусть взор не застит пелена —
хоть зуб неймёт, но видит око:
чья, пламенем опалена,
щека лепниной золотится,
дика, сармат, твоя столица.

* * *

Давно, усталый раб, побег замысля,
я посох мастерил из коромысла,
колол пенициллин от гонореи
и сухари сушил на батарее.

В распоротый матрац я прятал компас,
меня учил крестьянин лущить колос
и спать в жнивье, чтоб поутру пичуги
меня будили, а не вохра-чурки.

Туда, туда, где зреют померанцы,
где не волчок, а вспышка папарацци,
внезапно щёлкнув, вызывает гнев на лицах,
где нету звёзд и терний на петлицах!

Где нет эпохи, коей нужен реставратор,
туда, где узкоглазый ресторатор
к столу подаст бамбук и жесткокрылых.
Пеллагры где и оспы нет на рылах.

Где к ближнему любовь есть чувств вершина,
какая хоть с трудом, а достижима.
Пейзанин, отрывая взор от грядок,
глядит беспечно. И таков миропорядок.

* * *

Что сказать, не находишь, теряешь нить?
Самому себе пора перестать темнить:
как подельников доброму следаку
сдать — как в приёмный пункт стеклотару.
Нервно добив сигарету, выложить всё как на духу.

Там, возможно, тебе накинут. А здесь скостят.
Смело признайся, что ты из растяп,
что расплыли невеликий талант.
Главное, шанса не дай оперу-кувалдёру.
Главное — «Роллекс», купальный халат, Эйлат.

Да, скажи, промотал всё, что сумел!
Дар случайный просрал! Никаких семян
в эту почву вообще не бросал Господь...
С детства рвал жилу на производстве,
изготавливал текст. Но пора устать.

Подпиши эту честную речь из букв,
и останешься пуст, как сухой бамбук.
И тогда тебя пустят под молоточки:
так разрисует тебе торец —
хохлома! — тот, другой дознаватель,
бог деталей, мелочей всеильный творец.

* * *

Е. Р.

Когда в кафе, где всё из пластика,
он вносит тушу неуклюжую,
гласит его медвежья пластика:
вы продолжайте, я не слушаю!
Я не живу здесь больше попросту,
а только пятьдесят за столиком
накоротке с молодой порослью
роняю за ворот по вторникам.
Он входит, и пространство щемится,
в углы спешат предметы сгрудиться
от плоти тучной, этих черт лица
из глав Рабле, с полотен Рубенса.
Собрание анекдотов, памяток,
звучащих в пересказе заново,
он — грузный, но подвижный памятник
Петрополю эпохи Жданова.

* * *

Вот тьмы поднапустит восток
и серп на ущербе оскалит,
как чайный пакет в кипяток
кирпичный туман напускает.

Под лобною костью сперва
расправится что-то недобро,
и волглою пастью слова
полезут, опёршись на ребра.

Когда растворится Сезам
жерлом к серафическим высям,
за то, что их вместе связал,
ты больше от них не зависим.

Сознание ослабит тиски,
и высверкнет в тучах капризно
осколок безлюдной тоски,
надмирного пламени искра.

Рыбный рынок

Коль ты пришёл сюда, раз ты
сам жертву выбрал,
он взял в кургузые персты
и жабры выдрал.

Соскрёб всю ртуть, всё серебро
пластины в гнёздах,
кишки — брюшиной о перо —
пустил на воздух.

Раскрыл нутро, раскровенил.
И крик, растаяв,
над торжищем остановил
полёт кристаллов.

От иступления биясь
всем грузным телом,
рот разевал, таращил глаз
беззвучный тенор.

Он в судорогах звал на пир
и в ликование
по сцене фалдами лупил,
тряс рукавами!

Сухой морозец, ветерок
узор чертили.
Дух перегарный, матерок,
слюна в щетине —

антрепренёр твой неказист,
кирной татарин.
Плебс, как ни рви нутро артист,
неблагодарен.

Но всё ж в объятых немоты
юродствуй, бейся!
Взгляд на торговые ряды
из поднебесья

слезой наполнит твой дизель.
Зане наутро,
как брюхо рыбе, свод небес —
в цвет перламутра...

In memory of Benjamin

Что оттуда тебе наши страхи — курьёзны? —
нашей жизни тщета, если брать целиком,
где прибой дебаркадера ржавые дёсны
осторожно ощупывает языком?

Где смыкается дряблое зеркало с гладью
нидерландского берега, так ли глуха
пелена, что не всплыть ни мольбе, ни проклятью
из обители донного краба, рапанов и мха?

Одинокой душе, напитавшись составом солёным,
под рябым одеялом лежится покойней стократ,
чем в постелях своих по столицам и спальным районам
тем, кому ты ровесник ещё, собеседник, любовник и брат.

Живопись рабочих районов

Как здесь воздух бездарен, безблагодатен,
размещён бестолково
меж бетонных кубов, как у Целкова
комбинация яйцевидных пятен.
Превращает свинцовые будни в праздник
восьмигранный стакан на манер котурна;
загрунтован холст кое-как, халтурно,
перспектива скомкана, свет неразвит.

Как ныряет улица вбок — и взору
не настигнуть её за дымным
поворотом; и кажется зады нам,
и впадает, как Стикс, в промзону.
Как по-сиротски нища палитра
диорамы с клубящимся Лаокооном!
Натюрморт на переднем плане, где к макаронам
притулились кетчуп, солонка, батон, поллитра.

Проза рабочих районов

Сегодня ночью снился мне Петров.

И. Бродский

Сын, умерший тому пятнадцать лет,
вчера явился за полночь старухе,
он был расхристан, подшофе, не в духе
и в комнату прошёл, не сняв штиблет.

Она показывает снимки мне — на них
районный ЗАГС, торжественный и мрачный,
в нём подписью союз скрепляют брачный
щеголеватый с баками жених

и щуплая невеста под фатой.
Вот-вот перо оставит в книге росчерк
и государство их союз упрочит
своей тяжеловесною пятой.

Была счастливой — вероятно, да —
их жизнь в супружестве, но долгою — не вышла:
молниеносна аневризмы вспышка,
и вечной тьмы за ней белиберда.

Давно жених под гробовой доской.
Вся высохла и сморщилась невеста.
Оболтус их в тюрьме. Лишь гений места
копит по-прежнему на Автозаводской.

* * *

Покрылась наледью одна шестая суши.
Бомбила правит от яма к яму.
Тулуп нагольный с плеча Петруши
кургуз и в проймах тесен Емельяну.
Прокладывает путь в толпе прохожий,
январской стужи подгоняем жалом,
подслеповатый классицизм и носорожий
ампир московский киселём залиты ржавым.
И в этот студень заживо впечатан
продрогшей вязью улиц мегаполис,
как загустевшей водки штоф початый,
как будто в смерти заживо по пояс,
как будто с жизни верхний слой соструган
и голый нерв под ледяною розгой.
И я на это всё гляжу с испугом
издалека, из Пруссии промозглой.

* * *

Зачем трепетал язычок свечи
во тьме и потом зачах,
зачем ты явилась ко мне в ночи
с укором немым в очах?

Ни змий на пиру меня не берёт,
ни в чистом поле метель,
я сам продлил свой кошмар вперёд
на много дней и недель.

Я сам сотворил его, сам взрастил!
Всей тяжестью, плотью всей,
теперь он накрыл меня, как настил
татарский накрыл князей!

За то и тщится мой скудный дар
подняться выше стропил,
за то, что лучшее, чем обладал,
животным страстям скормил.

Поскольку кривда — дурной почин,
песчаник в фундамент лёг,
как, впрочем, и в силу иных причин
меж нами ни жар, ни лёд.

Лишь мелкая изморось, туч свинец
над Лондоном, над Москвой,
лишь ветви нагие, и в них птенец,
горячий ещё, живой.

Беспомощней слёз и прощальных фраз
пронзительней — до основ
от крика его редколесье враз
охватывает озноб;

он — трепет аорты, подбрюшья жар
тот крик, но зато, артист,
себя ль, обстоятельств куда б ни бежал,
он топливо мне и хлыст.

Семейную пару составить — вот
комический был бы трюк,
как исступления перевод
на кухонный воляпук.

Так память въедлива и нежна,
и остывают, храня,
глазное дно — отпечаток сна
и пепел — контур огня.

Майнц

Мы никогда не знали лучшего,
Чем праздной жизни пустяки.

Г. Иванов

Как сто лет или двести лет назад:
просто ухоженный сад.
Челядь разносит закуски-напитки.
Звёзды в небе одна крупней другой.
Жизнь то берёт тебя под микитки,
то с размаху бьёт в пах ногой.

Вязы разлаписты, ряд куртин.
Подле них мы кутим.
Как внезапно фортуна смягчилась:
солод Антверпена шлёт и виноград Анжу!
В голосах и лицах — неразличимость,
аппликация света дрожит в глазу.

* * *

Плачь, Бирмингем, сокрушайся, Ньюкасл!
Тауэр, в скорби знак погаси огни!
Глотку надсаживал все эти дни,
города и графства Англии, я за вас;
вскидывал руки победно и падал ниц,
каждый гол отмечая и каждый пас
вместе с вами, Йорк, Ливерпуль и Лидс.

И, когда свою пинту, как сулему,
я цедил в кельтском пабе под их тру-ля-ля,
белые скалы Сассекса и чеширские поля
улыбались мне, как своему,
и кивали огнями лондонские мосты —
я держал твоё стремя, Англия, как в старину,
и Сент-Джордж глядел на меня с высоты.

Res nullius

I.

В ландшафте этом снега по мудя.
Бетоном угловатым взор насытив,
по брашно до лабазника бредя,
в чужой пенат вертается носитель.
Где в обществе чужих ему вещей
нутро отогревает долго чаем
и лампу палит в семьдесят свечей.
Но мрак его души неосвещаем.

II.

Денежный воздух столицы тяжёл,
льда и гранита увесисты бармы,
это тебе не прогулки, пижон,
по переулкам Алеппо и Пармы.

Пусть алкоголя пожар не потух,
только веселье здесь не ночевало:
выдворен прочь из Московии дух
праздношатания, бес карнавала.

Песня о вороне скрасит досуг,
дума про лучшую долю утешит.
Вынесут приговор и внесут
тému непроглядную, вопли и скрежет.

III. Агонез Полонского

Жалуется спичрайтеру политолог:
«Тяжек крест мой и век недолог.
Бью челом Туманности Андромеды,
чтобы Оксфорд закончили оглоеды».

Пучит Газпром, аж Vrióni трещит по швам,
но старшой малышу не велит краснеть:
у тебя, топ амі, щит и меч на лацкане,
леденец в ладошке, фамильный шрам...
...как мы ни были с ними ласковы,
наш православный бизнес и вся Роснефть
бьют на отмели ластами.

Входит кризис в офис, говорит: «Прости,
ты со мной ещё не знаком?
К лесу — передом, а ко мне задком
встань, девелопер, на четыре кости».

IV.

Лжец без фантазии, зануда из зануд,
но с бабами не занимать ему сноровки:
их мнёт, как пластилин; и в цацках от Сваровски
тварь длиннолягая берёт его за уд.

Допью Лафройг и рукколу доем...
от кокса в пятнах щи, возьмём амфетамина...
Нет жизни кроме как на «Крыше мира»!
Вот так-то, тёлки! прыгайте в Кайен!

Бадаевский завод в тугом кольце.
Горит закат, как бритая промежность.
Что губы эти говорят тебе про нежность,
и почему они — срамные — на лице?

Берлин

В коммунальной квартире Берлина,
где ребёнок играл на трубе
и водица за стенкой бурлила,
где с ума я сходил по тебе,

был от ревности слеп и безумен,
бессердечен от нежности, груб,
среди немцев я был как позумент,
на овчинный нашитый тулуп.

Ибо загодя в споре неправым
я оказывался — затем
что был чужд языку их и нравам,
как в казарме букет хризантем.

Там был нервной системе подобен
голый тополь в проёме двора
и, покрытая оспой колдобин,
оживала брусчатка с утра.

Был на логике грубой замешан
сам пейзаж, распростёртый вовне:
этих крыш, безупречных скворешен,
черепичное море в окне,

этих улиц сырые ущелья,
помнить буду, пока не умру,
гиблый этот ландшафт всепрощенья
с неизменной пивной на углу.

Ибо с детства всю знал наизусть я
от восторгов до мелких обид
малокровную жизнь захолюстя,
пролетарской окраины быт.

Только здесь мы нищи и азартны,
Фридрихсхайн! Я туда не пойду,
где дворцы, променады, казармы
цепенеют в холодном поту,

там, где Шпрее морщит покрывало,
где великого Фридриха круп
обращён к голым липам бульвара,
долговязым гвардейцам во фрунт.

Золотушное чрево предместий
не покину, навеки сольюсь,
только здесь с моей грубою песней
нежной музыки явлен союз.

И мальчишка наигрывал ноты,
запинался — и с новой строки.
И стояли дома, как комоды,
с мёртвой влагой внутри сундуки.

* * *

Сообщает на родину автор письма,
путь до половины пройдя земной:
*жизни цель предельно ясна —
жить! и не умирать любой ценой.*

Даже когда оболочка в петле висит,
от свинцовой дули в башке регресс,
Брест-Литовск постыдный, любой Тильзит
откажись подписывать наотрез.

В свой черёд каждый из нас иван ильич,
будь хоть трижды он олег кошевой,
говорил мне одышливый старый хрыч,
динозавр легендарный, кадавр живой.

Но пока ерепенюсь ещё, гоношусь,
крылышкую надорванной вязью жил,
всем оскалом за воздух и свет держусь,
потому как сам для себя решил.

*Запах липы в моём палисаде густ.
Ослепительна неба голубизна.
Чёрный дрозд оживляет самшита куст*
в заключительной строчке его письма.

* * *

Расцветает, колосится, телится и поросится,
всё окрест собой покрыв,
вся как есть тебе знакома — пухнет, мокнет, что саркома,
вызревает, как нарыв.

Подмосковный быт на даче, острова и Аппалачи —
всюду, всюду жизнь кипит:
homo faber с упоеньем занят собственным забвеньем,
над беспамятством корпит.

* * *

Матовый серо-жемчужный свет,
точно «Роллс-Ройс» в третьяковском пассаже,
одновременно — районных газет
кегель мелкозернистый в пейзаже.
То, что гранитной коросты поверх
набрано им, — не для прочтения,
для расширения в сознании прорех,
для помутнения его, помрачения!
Света дневного смешения с тьмой,
архитектуры с дремучей чащей!
С целью слияния переводной
музыки с живописью звучащей.

* * *

Перенасыщен весны приход ликованьем,
жест и возглас любой избыточен до похабства,
всякой твари навстречу объятия раскрываем,
не гнушаясь ничуть, что смердит и блохаستا.

Иступленью природы, разнузданных сил причудам
изумляясь, угрюмая архитектура
на воскресшую пададь глядит с прищуром:
эка тебя раскорячило-то, раздуло!

Скверы, бульвары, парки стоят в зелёном,
как на ярмарку вырядившись селяне,
и расхристанный воздух налит озоном
в солнца лучах и при звёзд сиянье.

Сам Панкратор отпускает бразды правленья,
отдаётся всевидящий гений пляске,
и болотная тварь надрывает связки,
благоухает булыжник, цветут поленья.

Циник-писатель боле не в силах твёрдо
бешенству чувств противиться, их разладу,
всем естеством обратившись в горло,
исторгает залиvistую руладу.

Герои

Я тоже хотел быть героем,
брать что захочу по праву сильного,
вызывать холодок ужаса с примесью восхищения,
проезжая сквозь шпалеры родных хрущёвок
на бумере или на брабусе —
чем не предвестник Апокалипсиса...

Я готов был зубами загрызть суку,
изуродовать крысу,
выпотрошить должника-барыгу;
герои, они ведь по ту сторону морали.
После Ницше, да что там Ницше, после греков
об этом и говорить незачем.
Навязать свою волю окружающим
и погибнуть, не справившись с управлением,
как Фаятон от удара молнии,
гораздо достойней, чем помереть маразматиком
в путях семьи, в узах цифири.
Те, кто были чуть старше меня,
на моих глазах легко и непринуждённо
переходили из живых в мёртвые
и никогда наоборот.
Жутко и сладостно
написать мифологию своей кровью.
Быть воплощением эпохи.
Солью земли на её разломах.
Ведь ни бухгалтер, ни ювелир, ни инженер
юных дев лобзаний, как известно, не достойны.
А юность ведь не склонна к компромиссам.

И приходилось пацанам,
выскальзывая вновь и вновь
из потных, волосатых лап закона,
лить кровь чужую и свою.
Я сам получил в кишки маслину.
Меня пыряли ножом и месили кирзачами,
ломали арматурой ногу, а однажды
бросили в лесу с пробитой головой. А я выжил.
Выгреб и соскочил,
нутром, видать, оказался слаб,
выражаясь книжно — иная доля...

С треском сухим включается
и с густым гудением начинает работать
высоковольтная система памяти.
В бледном и резком,
одним словом, нездешнем свете
вы сидите как живые, но только мёртвые:
чёткие и в то же время какие-то абстрактные.
Если жизнь до смерти — домашнее задание,
подготовка к посмертной всенощной,
я не готов и не буду готов.
Как души, которые так загублены,
что не испытывают печали.
Нет у героев своей преисподней,
только Валгалла, город Лимб,
вечная сумеречная область,
где заживает наутро истерзанная птицей печень.

Иероглиф

Как духовидец на пути в Сиам,
схвативший ядовитую изжогу
от пошла кислого и полбы из семян,
поросший пегим войлоком сильван
по комнате кружит, скребя мошонку.

Вчерашней ханки выхлоп ядовит.
Уже ему поставила на вид
комсорг лесничества красавица-дриада.
Сосредоточен берендей, он стих гранит,
весь погружён в отделку бриллианта.

О чём поведать тщится мелкий бес?
О том, что кавардак в его подкорке
точь-в-точь шумит, как за окном бетонный лес,
что под нажимом каменных небес
трещат его сознания подпорки?

Отмахивает леший пястью такт,
в другой руке тестикулы катая,
но стих его как бубенец Валдая
звучит — как на пол брошенный пятак
и выглядит как письменность Китая.

* * *

Июльское плотное месиво
неподвижного воздуха, взвесь его
оседает в мозгу и к лопаткам липнет,
прижимает к щеке лезвиё напильника,
и внезапно ревнивая трель мобильника
разражается бешеным ливнем.

И лицом к лицу ты с другим городом,
оползающим наземь, мгновенно вспоротым
росчерком молнии или финки!
Хлещет сверху и сбоку сыплется,
будто кто искру высечь силится,
об пол швыряя в сердцах ефимки.

И темнеет — хотя уже вроде б некуда,
свет не проходит в ячейки невода,
прядает блиц, как стрела из лука!
В небе рвут удила вороные, пегие,
и председатель кувырк-коллегии
жестью гремит и перхает глухо.

Зачерпнув глубины — угловата, выпукла
(всё, что могло, всё до нитки вымокло),
на глазах расправляется панорама
Замоскворечья подслеповатого,
финифть промытого неба сватая
золоту домового храма.

Адонис

Тот ещё в ноябре —
всепроникающ, резок,
ветвям сродни на срезах,
вате в нашатыре,
воздух, — как кошевой,
с привкусом стали,
свежий местами,
но не живой.

Разом щелчок или свист
в нём умножает эхо.
Шерсти, овчины, меха
антагонист.
Топчущийся в сенях
комиссар с продрозвёрсткой,
из ледяной прозекторской —
небытия сквозняк.

Слизистой жабр,
всей непригожей
хордой и кожей
чую ноябрь:
лют, на расправу скор,
холоден. Час его пробил,
чисто Вышинский в профиль,
блещет в руке топор.

То-то дрожат, смотри,
прежней поры счастливицы,
ветер с них рвёт петлицы,
шпалы и кубари.

Равно трус и герой
обречены. И в страхе
льну, как Бухарин к плахе,
грудью к земле сырой.

Лижут меня, легки,
бездны слепой в преддверье
мягкие — пух и перья —
гибели языки.

* * *

Чучелом замертво в позе натужной застыть
шубу свою бережёт росомаха и ласка,
а человека попробуй бессмертьем насыть,
не напихашь под рёбра ему пенопласта.

Звёзд собеседник беспутный, чтоб он как живой,
там развалюсь наверху под Стрельцом и Весами,
чтобы вставаньем его и синклит пожилой,
и металлурги тужили по нём, и пейзаюне.

Мелкопоместный в пейзаже, колючий репнин
так и стоял на обочине жизни по чресла в люпине.
Только он судно ногой отпихнул, а ему уже нимб
к темени ладят и патокой ласты слепили.

Меж теплокровных и суетных — всё! — его нет.
Твердь безымянна. И небо распластано низко.
Астрономический холод из тьмы как привет
мёртвому зверю под скальпелем таксидермиста.

Новый Кёльн

Вперёд здесь не пропускают дам.
Не помогают им снять пальто.
Днём ничего не едят — рамадан.
После заката не спит никто.

Медных с собой захвати денегат,
здесь три шкуры с тебя не сдерут,
оглядись, на каждой ханум хиджаб.
Тегеран прям какой-то, Бейрут.

Здесь сбегают улицы на пустырь.
Как в горах, внимательна ночь к голосам.
Что ни купи здесь, чего ни стырь,
до ума вручную доводишь сам.

Здесь коричневый сброд выходил на бой
с красной заразой — и в свой черёд
тех и других поглотил прибой,
смыл свинца и крови водоворот.

Млечный Путь здесь пропеллерами затёрт
и воссоздан вновь из полос и звёзд —
в Третьего Рейха воздушный порт
наведенный янки воздушный мост.

Здесь воскресным утром в пивной битком:
в местной кирхе теперь гей-клуб.
А покинув — всё! перешёл Рубикон,
предприимчив если ты и неглуп.

* * *

Аннелизе Аллева

В Элизиум теней, чьи кущи
до умопомраченья зелены,
дубрав земных прохладнее и гуще
и праведниками населены,
меня не пустят: я стяжал и лгал;
среди любезных Богу на витрине
я оказаться не предполагал —
посмертно дайте мне очнуться в Риме.

Пускай расторгнут с плотью мой союз,
чесотку речи вынут из гортани,
тем я прочней с забвением сольюсь
потёком на фасаде Гаэтани,
отвесной тенью в переулке палача
(по имени меня не назовёте),
в Трастевере — гардиною плюща,
лучом — на Фарнезины позолоте;
кудлатую лобастой головой
одной из площади заплонивших кукол
или такой же точно, кучевой,
глядящей вниз сквозь Борромини купол.

Питомец Норда, когти сбив о наст,
в зобу с холодным просом подрастая,
что жизнь в итоге понял только часть,
но есть и вечная, а не одна шестая;
с моста, где ангелы, в полупетле реки,
угрюмству денежному, скуке и безумью
с обеих рук я кукиш адресую,
на Север обращая кулаки.

Содержание

«Поэзия есть форма нищеты...»	3
Возвращение	4
«В этом северном, этом болотном месте...»	6
«Я всё спешил пером нетерпеливым...»	7
«Тикают, грозною ласкою полны...»	8
«оглушительно пьян на вокзале...»	9
«Электровоз широкой грудью...»	10
«Давно, усталый раб, побег замысля...»	12
«Что сказать, не находишь, теряешь нить?..»	13
«Когда в кафе, где всё из пластика...»	14
«Вот тьмы поднапустит восток...»	15
Рыбный рынок	16
In memory of Benjamin	18
Живопись рабочих районов	19
Проза рабочих районов	20
«Покрылась наледью одна шестая суши...»	21
«Зачем трепетал язычок свечи...»	22
Майнц	24
«Плачь, Бирмингем, сокрушайся, Ньюкасл!..»	25
Res nullius	26
Берлин	28
«Сообщает на родину автор письма...»	30
«Расцветает, колосится, телится и поросится...»	31
«Матовый серо-жемчужный свет...»	32
«Перенасыщен весны приход ликованьем...»	33
Герои	34
Иероглиф	36
«Июльское плотное месиво...»	37
Адонис	38
«Чучелом замертво в позе натужной застыть...»	40
Новый Кёльн	41
«В Элизиум теней, чьи кущи»	42

Книги, выпущенные и планирующие
к выпуску в издательстве «Воймега»:

Ольга Нечаева «Птичье молоко» • **Алексей Тиматков** «Воздушный шар»
• **Андрей Чемоданов** «Совсем как человек» • **Всеволод Константинов**
«Седьмой путь» • **Александр Сорока** «Тутырь» • **Александр Максимов**
«Новый год-II» • **Александр Переверзин** «Документальное кино»
• **Михаил Свищёв** «Последний экземпляр» • **Мария Тиматкова**
«Настоящее имя» • **Светлана Бунина** «Удел цветка» • **Ната Сучкова**
«Лирический герой» • **Андрей Щербак-Жуков** «Дневник наблюдений
за природой» • **Денис Новиков** «Виза» • **Ирина Ермакова** «Улей» •
Ян Шенкман «Скоро придёт конец птице, оглохшей от собственного пения»
• **Григорий Кружков** «Новые стихи» • **Александр Тимофеевский**
«Размышления на берегу моря» • **Андрей Василевский** «Всё равно» •
Игорь Меламед «Воздаяние» • **Инга Кузнецова** «Внутреннее зрение»
• **Лета Югай** «Между водой и льдом» • **Вадим Муратханов** «Испытание
водой» • **Андрей Василевский** «Ещё стихи» • **Юлиана Новикова**
«Песок» • **Иван Волков** «Стихи для бедных» • **Юлий Хоменко** «Восьмое
небо» • **Светлана Хромова** «Память воды» • **Сергей Королёв**
«Повторите небо» • **Андрей Василевский** «Плохая физика» • **Андрей
Чемоданов** «Я буду всё отрицать» • **Ната Сучкова** «Деревенская проза»

Некоторые из этих книг можно приобрести в магазинах:

Книжная лавка Литинститута, Тверской б-р, д. 25
«**Фаланстер**», М. Гнездниковский пер., д. 12/27
«**Книги в Билингве**», Кривоколенный пер., д. 10, стр. 5
«**Гилея**», Тверской б-р, д. 9

Григорий Петухов. Соло.

редактор: А. Переверзин

вёрстка: Н. Крутова

корректор: О. Тузова

издательство «Воймега»

voymega@yandex.ru; alkonost@inbox.ru

Бумага офсетная.

Печать офсетная.

Формат 60х90 1/16

Тираж 500 экз.

Григорий Петухов родился в Свердловске в 1974 году. Окончил Литературный институт, семинар Евгения Рейна. Учился в аспирантуре в Берлине (работа по британской политике). Работал на НТВ в службе новостей. Печатался в периодике и антологии современной поэзии «Девять измерений». Живёт в Москве.